

53
2021

История создания
и первой публикации романа
«Мастер и Маргарита»

Памяти Алексея Дмитриева.
О замечательном
художнике и поэте

Суть еды.
Увлекательная история
ванили

Австралийская МОЗАИКА

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГАЛИНА УСОВА, МАСТЕР ПЕРЕВОДА,
ПРОДАВАЛА СВОИ КНИГИ ПОЭТИЧЕСКИХ
ПЕРЕВОДОВ, СТОЯ У СТАНЦИИ МЕТРО
«ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ» В ПЕТЕРБУРГЕ.
«Я ХОЧУ, ЧТОБЫ МОИ КНИГИ ЧИТАЛИ,
Я ОТДАЮ ИХ ПОЧТИ ДАРОМ», —
НЕ РАЗ ГОВОРИЛА ОНА
В СВОИХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ
ИНТЕРВЬЮ. (СМ. СТР.10)

Содержание

ЛITERATURNAIA STIHKIA

05

Орел — я выиграл,
решка — ты проиграл

КЕННЕТ КУК

Рассказ австралийского
писателя-юмориста
в переводе
Тины
Васильевой-Керн

ЛITERATURNAIA STIHKIA

10

Магия австралийской
поэзии, или «Дар»
Галины Усовой

ЕЛЕНА ГОВОР

Галина Усова —
лучшая переводчица
австралийской
поэзии

УЧЁНЫЙ РАССКАЗЫВАЕТ...

29

О «Закатном романе»
Михаила Булгакова

МАРИЭТТА ЧУДАКОВА

История создания
и первой
публикации
романа

ЛITERATURNAIA STIHKIA

37

Мастер и Маргарита
(отрывок из книги)

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Глава 13.
Явление героя

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

46

Лицо Победы...

Подборка материалов
к 80-летию Победы
и трагедии
в Бабьем Яре

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

67

Памяти Алексея
Дмитриева

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

В Сиднее умер
одарённый
художник
и незаурядный
поэт

ПИСЬМА ПИШУТ РАЗНЫЕ...

91

Рассказы

ЮРИЙ СМИРНОВ

Воспоминания
почётного
полярника

ЭМИГРАНТ-ЭМИГРАНТУ

98

Остров «Быть»

ЯКОВ ФРЕЙДИН

Детективная история
времён Второй мировой
войны

Ностальгия

109

Подземные истории

ЕЛЕНА ТРИФОНОВА

Московское метро —
аэродинамическая
труба, захлестывающая
тысячи
и тысячи судеб...

Вкусные рецепты

115

Суть еды. Про ваниль

СЕРГЕЙ ПАРХОМЕНКО

Истории за столом —
что может быть ближе
и увлекательнее истории
в наших тарелках?
Сегодня
про ваниль

ЕЛЕНА ГОВОР

МАГИЯ АВСТРАЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ, ИЛИ «ДАР» ГАЛИНЫ УСОВОЙ

ОТ РЕДАКЦИИ «АМ»

Год назад — 18 мая 2020 года — не стало поэта и переводчика Галины Сергеевны Усовой. Её наставница, легендарная переводчица и поэтесса Татьяна Гнедич, написала об ученице: «Я очень люблю глубокий и умный талант Галины Сергеевны Усовой». А молодой петербургский театральный критик, совсем недавно встретивший Галину Усову уже в «закатном» возрасте, восхищённо заметил: «Она щутила про Акимова, цитировала Грильпарцера и Байрона и, как я понял, свободно говорит на английском, знает французский. Стало очевидно, что за оболочкой неприметной убого одетой старушки — жутко интересный человек, очень образованный, умный, живой...»

ОТ АВТОРА

Галина Сергеевна Усова (1931–2020), петербургский поэт, прозаик и переводчик, прожила счастливую жизнь. Возможно, по меркам обывателей, её можно причислить к неудачникам, но сама-то она знала, что подлинное счастье — в творчестве, а этого у нее было сполна. Выпускница филфака Ленинградского государственного университета, ученица Ефима Эткинда и Татьяны Гнедич, переводчица Байрона и Киплинга, Толкина и Фолкнера, участница семинара фантастики Бориса Стругацкого, автор 24-х книг и десятков журнальных публикаций, она добилась самого главного — стала автором, востребованным уже в XXI веке, автором, которого читают.

А для нас в Австралии Галина Усова — первооткрыватель и самый главный переводчик австралийской поэзии на русский язык.

Елена Говор

Поколение 1960-х, покидающее нас и уносящее с собой сложнейшую ткань «жизни не по лжи» в советском микрокосме, ещё только начинает становиться полем серьёзного осмысливания нашей недавней истории. Ведь шестидесятые

годы — это не только Гагарин и «Новые приключения Шурика», Хемингуэй и «Один день Ивана Денисовича», но и более потаённые, латентные миры сопряжения наших «советских» ценностей с общемировыми. В этом мире шестидесятникам Австралии, как ни неожиданно

это может показаться, принадлежит особое место, и Галина Усова — героиня нашего очерка — сыграла в этом «открытии» Австралии ведущую роль.

Звёздный час Галины Усовой, мастера перевода, пришёл, когда ей было уже за восемьдесят: на ютюбе появился репортаж о том, как пожилая женщина про даёт свои книги поэтических переводов, стоя у станции метро «Политехническая» в Петербурге. Продавала она их недорого — 50, 100, 200 рублей, так что обычные петербуржцы, спешащие по делам, могли купить эти книжечки и прикоснуться к поэзии. «Я хочу, чтобы мои книги читали, я отдаю их почти даром», — не раз говорила она в своих многочисленных интервью. Всю выручку от продажи книг она тут же тратила на очередное издание поэзии из своих творческих закромов. В мире новой России, пережившей недавнее искушение преуспеянием, консьюмеризмом и гламуром — это было пронзительно петербургское действие. Стоя на морозе, закутанная в куртку с капюшоном и шапку-ушанку, она не стеснялась быть сама собой, протягивая людям книжечки стихов. И её поняли и приняли, о ней стали писать, нашлись её поклонники, создавшие даже посвящённую ей группу на сайте «В контакте».

В мою жизнь Галина Усова вошла в 1973 году, когда я была ещё школьницей; и когда в 2013 году я, после многих лет разлуки, добралась до Петербурга и позвонила ей, она пригласила меня туда же, на станцию метро «Политехническая». Галина Сергеевна постарела, но была по-прежнему прекрасна в своём мире поэзии, распахнутом людям. Мы с ней сидели в вестибюле станции метро и не могли наговориться, а к ней всё подходили пассажиры, спешившие домой после работы. Кто-то покупал книги, а один пожилой человек просто протянул ей батончик «Баунти» — к чаю. Прощаясь, я всучила ей конверт с тысячами рублей, сразу засунув его поглубже на дно её сумки на колёсиках и пр обротав, что это от какой-то поэтической организации Австралии на издание книг — я боялась, что она заглянет в конверт и откажется принять от меня деньги. Смёркалось, и она двинулась к своему дому в проезде Раевского. Я долго смотрела ей вслед, и сердце щемило от того, что ей уже так и не доведётся подняться на борт этого самого корабля «Баунти» или «Эндервра», копии которых стоят в Сиднейской бухте. Ведь своими стихами о таком корабле она когда-то разбудила и моё сердце.

Но послушаем её собственный голос:

Моё открытие Австралии

Да, Леверье открыл планету
За письменным столом,
А я страну открыла эту,
Листая толстый том.

Я вместе с капитаном Куком
На шаткий трап взошла.
В ночи над корабельным люком
Сгущалась тьма.

С высоких мачт куски тумана
Срывал норд-вест.
Нас вёл холодный блеск Тукана
И Южный Крест.

Когда отчаянно качало
Остаток корабля,
Я вместе с вахтенным кричала:
«Земля!»

Туземцы в лодках остроносых
Унаших кораблей.
Я первой крикнула матросу:
«Стрелять не смей!»

Но не был этот крик услышан
Сквозь толщу в двести лет,
Помощник капитана вышел
И поднял пистолет.

И эхом катится поныне
Неглохнувший позор
Через моря, через пустыни
До Гималайских гор.

Врываются в мои рассветы
Колониальный гром...
А Леверье открыл планету
За письменным столом.

...Именно так, то поколение шестидесятых из Советского Союза готово было брать на себя ответственность за прошлые грехи человечества. И полстолетия спустя, во искупление того давнего «колониального грома», и я стану заниматься возвращением культурных ценностей и австралийским аборигенам, и океанийцам Нуку Хивы, Папуа Новой Гвинеи, Вануату и Новой Кaledонии.

О Галине Усовой я узнала ещё на заре моего собственного увлечения Австралией — из книги Даниила Гранина, побывавшего в Австралии в 1965 году. Его книга путевых очерков «Месяц вверх ногами» — пожалуй, лучшее из того, что было написано об Австралии в советское время. У нас в домашней библиотеке хранится эта книга с его автографом: «Владимиру Рафаиловичу — сердечно, с благодарностью. Д. Гранин».

Владимир Рафаилович Кабо годы спустя станет моим мужем, а тогда, готовясь к туристической поездке в Австралию, Даниил Гранин встретился с ним в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде

Галина Усова, 1954 г

и в беглой зарисовке дал портрет трагедии нашего австралиеведения: «Владимир Рафаилович — один из тех наших австралиеведов, которые изучают аборигенскую жизнь во всех подробностях; его можно пустить к аборигенам, и никто не отличил бы его от любого обитателя-аборигена. Но, сидя на Васильевском острове, Миклухо-Маклам не станешь. Слушая его, я чувствовал, что он готов хоть на плоту, как Тур Хейердал, добираться до своей Австралии. Сколько возможных Миклухо-Маклаев, энтузиастов, мужественных, самоотверженных, несостоявшихся путешественников вынуждено проводить свою жизнь в таких комнатах, заставленных книжными шкафами».

Вторым русским героем книги Гранина была Галина Усова, о которой он писал: «Она занимается переводами австралийской поэзии, Австралия — её страсть. Кто собирает марки, кто ходит на футбол, кто в филармонию, а Гая Усова любит Австралию (хобби площадью почти восемь миллионов километров), любит так, что даже пишет стихами:

*Австралия — страна наоборот.
Она располагается под нами.
Там, очевидно, ходят вверх ногами,
Там наизнанку вывернутый год.*

*Там расцветают в октябре сады,
Там в январе, а не в июле лето,
Там протекают реки без воды
(Они в пустыне пропадают где-то).*

*Там в зарослях следы бескрылых птиц,
Там кошкам в пищу достаются змеи,
Рождаются зверята из яиц,
И там собаки лаять не умеют.*

*Деревья сами лезут из коры,
Там кролики страшней, чем наводненье,
Спасает юг от северной жары,
Столица не имеет населенья.*

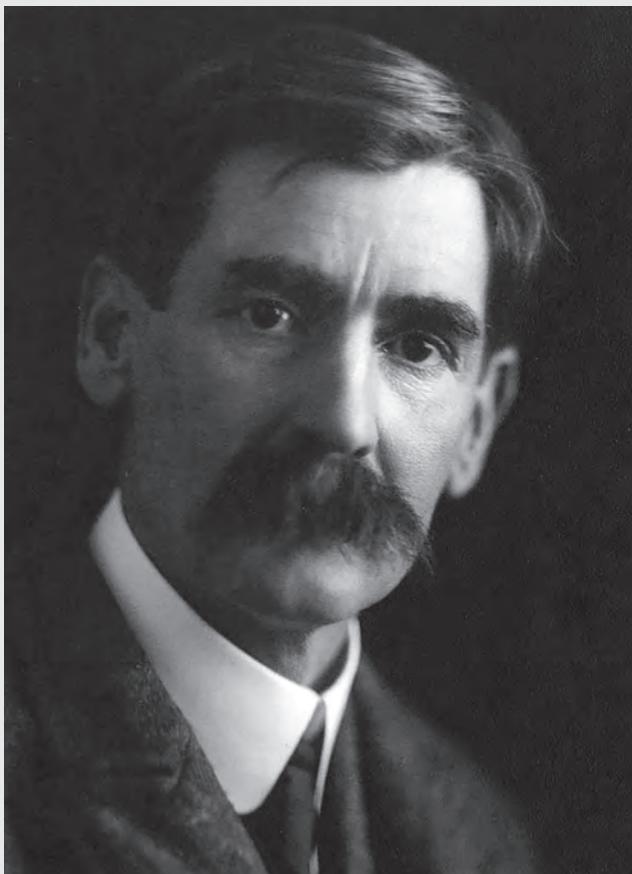
*Австралия — страна наоборот.
Её исток — на лондонском причале:
Для хищников дорогу расчищали
Изгнанники и катаржный народ.*

Австралия — страна наоборот.

Это стихотворение стало классикой наших представлений об экзотической Австралии. Однако мою душу зацепила здесь не экзотика, а слова о любви к Австралии. Любовь эта светилась в последней строфе о хищниках и изгнанниках.

Любовь к далёкой земле не поощрялась в Советском Союзе, более того — это было опасное признание, но его истоки, как ни парадоксально, возможно, лежат в советской пропаганде любви к Родине, которой бомбардировали детей, начиная с детского сада. Уже живя в Австралии, я с удивлением обнаружила, что в западном менталитете нашего понятия «Родина» практически нет. Есть анкетное понятие «Страна рождения», есть понятие homeland, в котором соединяются дом и родная земля. Да и слово любовь ассоциируется в западной культуре прежде всего с любимым человеком, семьёй, детьми, а не с такими глобальными категориями как страна. В Советском Союзе, окружённом железным занавесом, первые ростки сопротивления топорной пропаганде любви к Родине искали новую почву и, найдя её в далёкой, запредельной земле, пускали корешки и пышно разрастались. Впрочем, возможно, эта черта у русских была ещё и в досоветское время. Ведь не случайно Александр Грин писал ещё в 1913 году в рассказе «Далёкий путь» об этой тяге ко второй «родине»: «Отныне я находился в плена своего желания быть там, куда потянуло меня всей душой и где я нашёл вторую, настоящую родину. У человека их две, но не у всякого; те же, у кого две, знают, что вторую нужно завоевать, тогда как первая сама требует защиты и подчинения».

Австралия, как нельзя лучше, соответствовала объекту этой катакомбной, запретной любви к далёкой земле — в советском менталитете она была прежде всего далёкой землёй, где всё «наоборот». Вместе с тем, эта страна, хоть и капиталистическая, западная, не представляла большой опасности для искушения советского человека западными ценностями, — ведь находилась она почти что за пределами реальности, вне

Генри Лоусон (1867-1922)

времени и пространства, и бежать туда по-настоящему не было никакой возможности. Мечтатели о далёких странах могли узнать себя в стихотворении австралийского поэта Генри Лоусона (1867–1922), переведённом Галиной Усовой.

Генри Лоусон Младший кок

Об Австралии слыхал он тьму таинственных вещей:
Есть там золото, бандиты, племя чёрных дикарей.
Пара штопанных рубашек? Пригодится, всё беру!
Чистит миски и с картошки он счищает кожурку.
В душном камбузе с картошки он счищает кожурку.
[...]
В мире душном, раскалённом без конца котлы гудят,
Без конца картошку чистит — может, он
аристократ?
Может, колледж он окончил, этот новый джекеру¹,
А теперь сидит, склонившись, и счищает кожурку?
Головой тряхнёт — и мрачно вновь счищает кожурку?

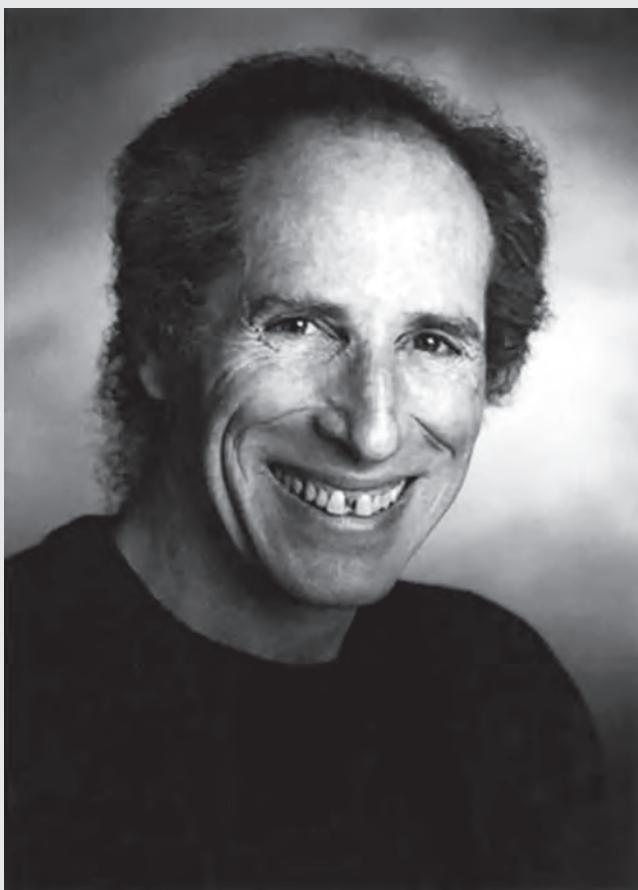
¹ Этим словом, очевидно, туземного происхождения, называли в Австралии новичков, недавно приехавших сюда. Английские богатые семьи часто посыпали своих отпрысков в Австралию поработать на ферме и приобрести опыт в сельском хозяйстве (Прим. Г. Усовой).

Но живёт надежда в сердце и сверкает день за днём:
Ведь должны судьба и время позаботиться о нём!
Он в тумане различает даль, где скачут кенгуру:
Там он вступит в мир свободный, позабыв про кожуру...
А пока что — дни за днями он счищает кожуру.
Есть в Австралии герои — были в славные годы —
Только мир героев этих не узнает никогдा.
Шли они к заветной цели через засуху, жару,
И до Сиднея с картошки, знай, счищали кожуру,
Смельчаки, народ отважный! Знай, счищали кожуру!

Таким мечтателем была и я. Моё открытие Австралии случилось, когда мне было лет тринадцать, и началось оно с книги «Австралийские рассказы». В моём первом письме Галине Усовой я писала: «Первым я прочитала рассказ „Знакомство с колониальной жизнью“, а потом, не отрываясь, читала до поздней ночи. ... Мне страстно захотелось увидеть всё самой ... и я решила посвятить свою жизнь попаданию в Австралию. План жизни у меня был такой: сейчас собирать материалы об Австралии, потом стать учёным, поехать в Австралию, а там... Я не знала, что будет там, и запрещала себе даже думать об этом, у меня была только вера, что „Это — там“». Ну совсем, как тот корабельный кок Генри Лоусона! Сейчас я могу сказать, что это была попытка создать идею сакрального и подчинить ей всю свою жизнь. К десятому классу, к 16-ти годам, у меня, очевидно, произошёл «кризис веры». В детстве легко мечтать, — «вот, когда я вырасту, я буду изучать Австралию!», но тут мне стало ясно, я уже выросла, школа кончается, и начинается взрослая жизнь, и в ней нет места «изучению Австралии», и что советские люди, — а это был 1973 год, — в Австралию не ездят. Да и изучение Австралии с её экономикой, историей и политикой (а читала я очень много!) разрушало тот первоначальный цельный образ, который сложился у меня

Самое дорогое — письма, рукопись
и книги Галины Усовой

Дэвид Мартин

после чтения «Австралийских рассказов». Вот в этот момент я и написала совершенно сумбурное письмо Галине Усовой. Подсознательно я надеялась, что она, тоже «любящая Австралию», подтвердит, что «Это — там!» Письмо я вручила своему отцу, отправлявшемуся в Ленинград. И произошло совершенно невероятное — позвонив Даниилу Гранину, он нашёл Галину Сергеевну и даже побывал у неё в гостях!

И вот — первое письмо от неё: «Здравствуйте, Леночка! Спасибо за Ваше чистое искреннее письмо. Не могу передать, как оно меня обрадовало. Я много старше вас. У меня — вот уже в который раз — наступил период раздумья и сомнений на тему о том, правильно ли всё было, и было ли оно вообще? И письмо Ваше убедило: да, было! Да, правильно! Если мои строчки нашли отклик в такой юной душе — значит, всё, к чему я пришла в результате массы душевных травм и потерь, должно было состояться, значит, всё было не зря. А это — великое дело, Леночка, убедиться, что всё было не зря! И я счастлива! Да, по возрасту я много старше, я в матери Вам гожусь, хотя мои дочери младше Вас — я ощущаю себя в чём-то Вашей ровесницей, и это не смешно, потому что у настоящих поэтов нет возраста, нет старости. Я пишу Вам так же откровенно и честно, как Вы мне, и убеждена, что Вы меня

поймёте правильно, так же, как и я Вас поняла, потому что Вы поступили очень верно, обратившись именно ко мне. Вот, ведь много всего довелось Вам об Австралии прочитать, а вы не написали другим переводчикам, а написали именно мне — значит, всё поняли! Мне даже сразу захотелось подарить Вам все мои стихи и переводы, но ведь их великое множество, а напечатана только небольшая их доля».

Она приглашала меня в гости: «может быть, приедете в Ленинград на весенние каникулы? Если Вам некуда, можно прямо ко мне, у меня хватит места. Мне кажется, что надо нам с Вами поговорить и посоветоваться о Вашем будущем, о том, куда Вам целесообразнее пойти учиться. Моё предварительное мнение, если оно Вам интересно: душа Австралии и вся она — в её литературе. Чтобы изучить литературу Австралии, надо знать и этнографию, и историю, и географию и очень многое другое».

Тогда же, в том первом письме, Галина Усова невольно показала мне, как больно иногда бывает быть поэтом. «Если у Вас есть книга „Поэзия Австралии“, — писала она, — знайте, что там не четыре, а пять моих переводов, только один по ошибке подписан фамилией Рогова. Это сонет Б. О’Дауда „Австралия“. Издательство уже принесло мне свои извинения. Кроме того, знайте, что в стихотворении „Дар“, которое Вам так нравится, редактор А. Сергеев самовольно без моего ведома перекроил текст. Если, опять-таки, книга Ваша, сделайте на ней поправки». Я ведь в то время только начинала понимать, что поэты в Советском Союзе — это не небожители, а хрупкие, уязвимые люди, зависящие от «рангов» (член или не член Союза писателей), от самоуправства редакторов и от политической благонадёжности. Но самое главное, разделив со мной свою боль за изуродованные строки, за ценность выстраданного слова, она приоткрыла мне глубины мира поэтического творчества.

Стихотворение «Дар» Дэвида Мартина (1915–1997) с его сложной религиозно-философской символикой сразу ввело меня в мир серьёзной поэзии, отличающейся от школьного курса русской классики. Приведём его в первоначальном переводе Галины Усовой с восстановленными строками, изменёнными редактором в «Поэзии Австралии» (они выделены жирным курсивом).

Дэвид Мартин

Дар

Как дети в праздничный вечерний час,
Мы ищем руку, чтоб вложить подарок,
Но каждый встречный держит свой подарок,
И каждый встречный отвергает нас.

Читальный зал Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге

И в горе мы рыдаем и кричим:
«Скорее с нас снимите наше бремя!»
Но встречного сгибает то же бремя,—
И мы с протянутой рукой стоим.

А мир к нам безучастен и жесток;
И дар любви в руке — тяжёлый камень,
И каждый держит свой тяжёлый камень,
И каждый смертный **в этом** одинок.

И голос сердца вопиет: «Пойми,
Ведь каждого такое мучит горе,
Так ближнего избавь же ты от горя;
Свой дар отдай, а у него прими!»

Но как освободиться от любви?
И кто избавит нас от состраданья?
В ладони каждый держит состраданье,
Мы собственные пленники свои.

И в самом горьком горе смех живёт,
Найди же сам ответ к своей задаче,
В твоей могиле ждёт ответ к задаче,
Ведь роза каждый листик бережёт.

Никто твой дар не примет у тебя,
И каждый может дать тебе лишь голод,

Смертельно-сладкий и жестокий голод,—
Живи, тяжёлый камень возлюбя.

Вслед за первым письмом произошло самое замечательное событие моей юности — Галина Усова прислала мне рукопись «Где вьёт гнездо пеликан (Моё открытие Австралии)» с коротеньким письмом прямо на титульном листе рукописи: «Леночка! Посылаю Вам в подарок мою старую рукопись. Это — вариант 1968 г. и, кажется, не совсем полный, но представление о моём замысле вы получите. Читайте — и пришлите отзыв. Он будет для меня чрезвычайно ценен, я серьёзно. Эта рукопись была отвергнута несколькими издательствами по той причине, что ничего похожего никогда не издавали, и я забросила над ней работу из-за полной бесперспективности. А ведь, наверно, зря, да?»

Для меня эта толстая коричневая папка, наполненная лёгкими, сразу запоминающимися стихами, стала всем сразу — и сакральным объектом (я просто носила её с собой), и познанием Австралии, и погружением в мир настоящей поэзии.

Открывалась рукопись неожиданным сравнением: «В 1606 году Австралию открыли голландские мореплаватели. В 1770 году Австралию (восточный берег её) открыл капитан Кук. В 1957 году Австралию открыла я. Джеймс Кук, капитан английского флота,

обшаривал южные моря в поисках новых владений для британской короны. Я, аспирантка одного из ленинградских вузов, сидела в Публичной библиотеке, готовясь к очередному экзамену. После многодневного плавания, подойдя к берегу незнакомого континента, Кук обнаружил удобную бухту, которая была названа Ботани-Бей. После многочасовых занятий, подойдя к витрине новых поступлений, я обнаружила толстую книгу, которая называлась „Собрание стихотворений Генри Лоусона“.

Галина Усова Моё открытие Австралии

*В ярком супере обложка мне попалась на глаза —
И куда-то, как в тумане, отступил читальный зал.*

*Я под лампою настольной увидала наяву
Солнцем выжженные степи, пожелтевшую траву.*

*И не то, чтобы знакомый головою мне кивнул —
Нет, видавший виды свэгмен шляпой в воздухе взмахнул.
Старый свэгмен в драной куртке и заплатанных штанах
Шёл туда, где простиралась вдаль лесная сторона.*

*Не страницы шелестели, а суровые леса,
И звучали приглушённо попугаев голоса,
А в проходе, меж столами, где постелены ковры,
Показался кособокий ветхий домик из коры.*

*Неказистые лошадки выбились давно из сил,
Волоча фургон на запад, где январский зной палил.
Вожжи женщина держала в загорелом кулаке,
И одно лишь было в мыслях — как бы выбраться к реке.*

*И старатели стояли, на лопаты оперлись,
И погонщики в трактире хохотали от души...
Белых пятен нет на карте: как-никак — двадцатый век.
Вы не делали открытий в тишине библиотек?*

Несколько лет спустя, узнав, что я собираюсь приехать в Ленинград заниматься составлением «Библиографии Австралии» в Публичке, она писала «Сориентироваться в библиотеке я, вероятно, смогу несколько помочь, потому что сама весьма часто в ней бываю. [...] Ведь наша Публичка — это и была та самая библиотека, где я когда-то открыла Австралию».

Рукопись Галины Усовой состояла из четырёх частей:

- I. Когда мир был широк
- II. Погибшие племена
- III. Звёзды в море
- IV. Свобода в скитаниях

Их можно иначе обозначить как: поэзия первоходцев, трагедия аборигенов, философская

лирика и гражданская поэзия. Сходную организацию материала можно найти и в её книге австралийской поэзии «Свобода в скитаниях» (2001). Однако между этими двумя книгами было существенное отличие — в рукописи 1968 года присутствовал автор, и своими стихами, перемежавшимися с переводами, и своими авторскими заставками, и, самое главное, вся австралийская история и поэзия в ней были пронизаны трепетной любовью к далёкой земле. Не удивительно, что такую книгу осторожные редакторы 1960-х не решались опубликовать, несмотря на высокий уровень поэтического мастерства Галины Усовой. Она об этом смогла написать даже с юмором, сквозь который проступает и затаённая боль:

Галина Усова Г. В. Пагиреву

*«Австралия, Австралия», —
Поморщился редактор.
«А вы-то там бывали?
Не доводилось? Так-то!»*

*Что ж, было бы отлично
Как делают иные,
Отправиться мне лично
В столичные пивные.*

*В окрестностях Мельбурна
Пожариться на пляже
И пестротой альбомной
Оклейте саквояжи.*

*Когда б заела скука,
Такой вояж — немало...
Но я не хуже Кука
Те земли открывала.*

*В журнальном хламе вздорном
Раскопанные строки —
Как золотые зёрна
У времени в потоке.*

*И, как в морском бинокле,
Отчётливо вставали
В переведённых строках
Освоенные дали.*

*Мы с Куком эти земли
Совместно открывали... И
Его однажды съели
За то, что был в Австралии.*

*Ну, а меня редактор
Пускай сжуёт с салатом,*

Мэри Футт

Учтя тот грустный фактор,
Что я ведь не была там.

I. Когда мир был широк (поэзия первоходцев)

Галина Усова стала мастером переводов поэзии первоходцев. Вместе с поэзией каторжников эта поэзия образует основополагающий пласт австралийской литературы; в широком смысле, этот жанр поэзии называют балладами буша (*bush ballads*). Слово буш прошло длительную эволюцию в австралийской культуре. Первоначальное значение этого слова (кустарник, лесные заросли) кроме чисто географического значения приобрело культурно-исторический аспект — так стали называть дикие, неосвоенные места Австралии. Именно с таким «бушем» ассоциировались скрывавшиеся там австралийские беглые ссыльные — «бушрейнджеры», лесные разбойники. Но со временем это слово стало пониматься ещё шире — как сельская местность, противопоставляемая городу, а затем и как важный элемент австралийской культурно-исторической идентичности.

Палитра баллад буша в переводах Галины Усовой чрезвычайно широка. Среди них есть и эпические стихи Мэри Футт (1846–1918) «Где вьёт гнездо пеликан» Вот эти стихи, давшие название всей рукописи:

Мэри Футт Где вьёт гнездо пеликан

Под седлами кони всадников ждут,
Но они не спешат уезжать,
Потому что трубку надо набить
И прощальное слово сказать.
Один с надеждой вскочил в седло,

У другого — в глазах туман:
«До свиданья, друзья, мы спешим в те края,
Где вьет гнездо пеликан».

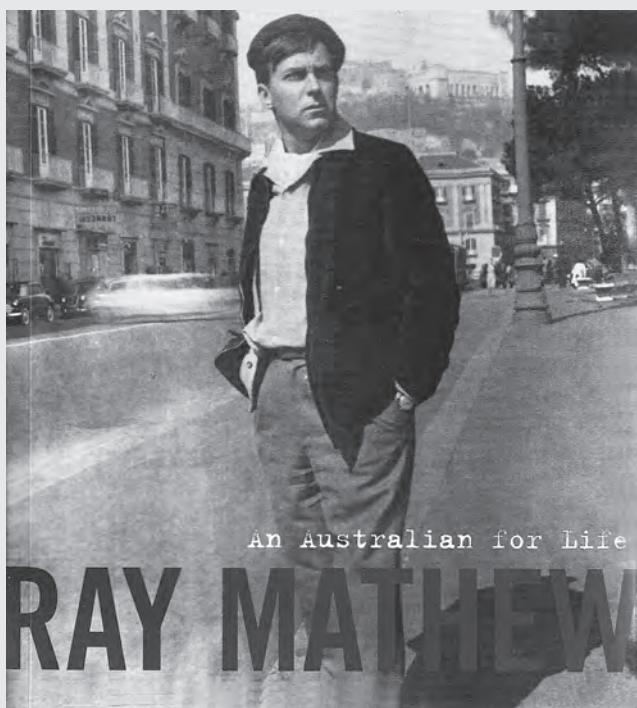
Говорят, что бескрайние пастбища там
Зеленеют в закатных лучах,
И опаловый свет в ущельях разлит,
И золото есть в горах.
Не хотят они знать, что ждут их в пути
Жажда, голод, песчаный буран...
Неизведанный Запад зовет их туда,
Где вьет гнездо пеликан.

Они через крик² переправились вброд,
Им вода доставала до шпор.
Был трижды дождями наполнен крик,
И трижды он высох с тех пор.
Но воды Надежды вспять не текут;
Нет пути им из дальних стран:
Пески и зной иссущили их там,
Где вьет гнездо пеликан.

Джеймс Хебблетвейт — автор стихотворения «Пионеры»

²Creek (англ.) — небольшая река

Рэй Мэтью — автор стихотворения «Генезис»

Есть и незамысловатые монологи австралийских бродяг-свэгменов, которые идут от фермы к ферме в поисках работы со своими пожитками, завёрнутыми в скатку-свэг — «На берегу реки» Генри Лоусона. [См. эти стихи в «АМ» № 51.— Прим.. ред.] Среди этой тематики находится место и для произведений, созданных австралийскими поэтами в последующие десятилетия, в которых за обычными образами бродяг и первопроходцев угадывается более сложная образность свободы духа. Таково стихотворение «Пионеры» Джеймса Хебблетвайта (1857–1921), творческий посыл которого созвучен песням «За туманом» или «Люди идут по свету» — гимну наших шестидесятников. Надо сказать, что в оригинале стихотворение Хебблетвайта имеет более многомерное название «Wanderers».

Философским лиризмом наполнено и стихотворение «Генезис» Рэя Мэтью (1929–2002), в переводе которого Галина Усова прекрасно передала сложную внутреннюю ритмику верлибра и ломанных строк этих стихов. «Генезис», как и стихотворение Генри Лоусона «Когда мир был широк», подводит итог ушедшей эпохе; квинтэссенцией её было внутреннее освобождение человека, который, порывая с привычным обжитым миром, обретает свободу духа. И в этом советская молодёжь, устремившаяся в тайгу и горы под лакированные голоса советских дикторов 1960-х годов, была сродни австралийским бродягам, бежавшим от горя и нищеты имперской Великобритании.

II. Погибшие племена (трагедияaborигенов)

Однако, уходя от грехов старого мира метрополии, героические первопроходцы многие из этих грехов

несли с собой — и здесь мы прежде всего говорим о вторжении колониальной Австралии на земли, тысячелетиями принадлежавшие австралийским аборигенам. Эта трагическая страница истории Австралии, глубоко прочувствованная современными австралийцами, препятствует, как кажется, их безоговорочному приятию австралийской литературы прошлого. Попытка превратить образы бродяг-свэгменов, бушрейнджеров или погонщиков скота в краеугольные камни австралийской идентичности чужда современной Австралии. Помню, как я, пытаясь объяснить своему австралийскому ученику, что современные русские вообще не играют на балалайке и не распеваются «Калинку-малинку», неожиданно нашла понимание: «Понятно, это как наша "Waltzing Matilda"», — сказал он. И ведь действительно, песня-баллада «Плясунья Матильда» Банджи Паттерсона, которая одно время даже претендовала на роль гимна Австралии, едва ли присутствует в жизни современных австралийцев и очень редко звучит по радио и телевидению. Эти тени прошлого не прошли мимо внимания Галины Усовой. «Трагедия коренных жителей Австралии ещё далеко не стала темой австралийской поэзии,— писала она в своей книге.— А в прозе пишут. И много». Разбуженная австралийской литературой, беседами с Аланом Маршаллом, который, преодолевая все препятствия, ездил в резервации аборигенов, говорил с ними и пытался донести их голоса до австралийцев, Галина Усова сама создала цикл прочувствованных работ о трагедии австралийских аборигенов. Открывало его символическое стихотворение Усовой «Кенгуру».

Галина Усова

Кенгуру

Известно всем, что открытие
Пятого континента
Было только началом
Многих больших открытий.

Открыли *Terra Incognita*,
Открыли бухты удобные,
Хорошее место для катогри,
Пастбища безграничные,
После открыли золото —
И, наконец, открыли

Местное население.
И вот один европеец
(Забрёл он в лагерь к туземцам,
Чтоб изучать их нравы,
Обычаи и язык) —
Увидел странного зверя,
Который передвигался
Стремительными прыжками,

Пожиная степной простор.
Весёлая заячья морда,
Передние лапы — култышки,
А хвост и задние лапы,
Как три стальные пружины,
Бросали зверя вперёд.
Но, прежде чем европеец
Успел разглядеть животное,
Оно уже скрылось из виду.
И белый спросил удивлённо:
«Кто это? Как вы зовёте
Его на своём языке?»
«Кен-гу-ру», — он услышал,
Что означало — «не понимаем»,
«Кен-гу-ру, — мы не знаем,
О чём ты спросил у нас».
«Кен-гу-ру, — повторил он, —
Какое странное имя!
Впрочем, странному зверю
Оно, пожалуй, идёт».
И, чтоб не забыть, европеец
Занёс это слово в блокнот.

В любом зоопарке Европы
Сидит он, символ Австралии,
С грустной заячьей мордой
Под надписью «КЕНГУРУ».
Передние лапы-култышки
На грудь бессильно свисают,
А задние — как подпорки
Для неподвижного тела.
Они теперь не пружины:
Больше некуда прыгать.
И хвост по земле волочится —
Он тоже остался без дела.

Так древний житель Австралии
По имени «Не понимаю»
Сидит в европейской клетке,
Свидетель того, что открытие
Пятого континента
Было только началом
Большого непонимания.

Её обращение к австралийским поэтам, написанное в начале 1960-х, было бы оченьозвучно современной Австралии.

Галина Усова Стыдятся австралийские поэты

Стыдятся австралийские поэты
Позорного пятна.
В безжизненных песках, за краем света
Кочуют племена.

За бусы и кусочки бумазеи
В былые времена,
И бумеранги заперты в музеи,
И отнята страна.

Не пишут австралийские поэты,
Что кровью вспоена
История Австралии, что это
Всей нации вина.

За пастища, за золотые жилы
Что выбраны до дна,
Отцов-миссионеров подвиг лживый —
Дешёвая цена.

И до сих пор кровоточат рассветы:
Австралия больна.
Стыдятся австралийские поэты
Позорного пятна.

Два своих стихотворения этого цикла Галина Усова посвящает австралийским художникам-aborигенам. Одно — о трагической судьбе Альберта Наматжиры. Его австралийские пейзажи, хотя и исполненные в европейской манере письма, отражали его глубинную связь с землёй его предков³. Пользуясь всемирной известностью, Наматжира оставался человеком второго сорта у себя дома и, несмотря на протесты общественности, был брошен в тюрьму.

Галина Усова Альберт Наматжира

Нет, то действительность, а не мистика —
Опять ускорили свой бег века.
Копья лишившись, взялась за кисти
Обезоруженная рука.

От этих красок все одурели:
Вот первозданности торжество!
Смотрела с маленьких акварелей
Земля аранда, отцов его.

Долины зелены, долины влиты
В отроги горные, в лиловый склон.
И одинокие эвкалипты
Белеют призраками племён.

Когда страну цветовых контрастов

³ Владимир Кабо исследовал эти связи в своём очерке «Этническое христианство как историко-этнологическая проблема» // Австралийская мозаика, 2009, № 18–19.

Алис-Спрингс. Худ. Альберт Наматжира

Он всей земле показать сумел,
Он спора белой и чёрной краски,
Как видно, вовремя не разглядел.

Всегда художники чернокожи
В глазах чиновника с тупым лицом...
И ухмыляются чьи-то рожи,
Вокруг скимаясь тугим кольцом.

Сквозь равнодушие не прорваться,
Оно сжигает, как суховей.
Над злым убожеством резерваций
Взлетел Летающий Муравей⁴.

Да, не вмешался он в рамках племени,
Наверно, в этом его вина.
Стране пришёлся он не ко времени —
И отомстила ему страна.

Никак не лезет в доктрину стройную
Художник этот, абориген.
И краски загнаны непристойные
В кольцо бесцветных тюремных стен.

Второе стихотворение было навеяно историей о юных художниках-абorigенах из резервации — Керролап в Западной Австралии. Добрый учитель, приехавший в резервацию, дал детям краски, и их рисунки, посланные на выставку, ненадолго стали

сенсацией, но, в конечном итоге, власти оставили талантливых подростков на произвол судьбы.

Галина Усова
Посёлок потерянных душ

В 1952 г. все здания [резервации] были переданы миссионерам, которые переименовали поселок в Меррибенк. Видно, их смущило, что Керролап означает «потерянные души». Бенгт Даниельсон. Бумеранг.

... И назван Весёлым Берегом
Посёлок Потерянных душ.
Но где эти души потеряны?
Вернулись к племени в буш?
Живут охотой, как прадеды?
Но им незнаком этот труд.
И жалких шиллингов ради
Спины где-нибудь гнут.
Никто не учил в резервации
Пустыню, как книгу, читать.
Велели, зато, умываться,
Смирными слугами стать.

Цивилизации лата
Грубо врываются в глушь —
И не узнать Керролапа,
Посёлка Потерянных душ.
Выросли серые стены,
Склеп для живых мертвцев —
Маленьких аборигенов,
Отнятых у отцов.

⁴ Наматжира означает: белый летающий муравей (Прим. Г. Усовой).

«Домой». Худ. Барри Лу. Собрание Керролап

Едва наступали сумерки,
Их стерегли замки...
И только в своих рисунках
Бежали они от тоски.

Впускающий воздух клапан,
Ливень, ворвавшийся в сушь —
Рисунки детей Керролапа —
Посёлка Потерянных Душ.

О, эти рисунки ребячы! —
Я снова их в руки беру.
Сквозь мирные заросли скачет
В тревожную даль кенгуру.
Травы, покрытые росами,
Мягкий, безмолвный закат
И гибкое тело опоссума,
Игрушечного зверька.
С поднятой кверху лапой,
Взобразившись на хрупкий сук,
Зовёт он детей Керролапа
Сним порезвиться в лесу.

Но радости детям отмеряны
Руками довольных чинуш...
И назван Весёлым Берегом
Посёлок Потерянных Душ.

Ездили-ездили разные;
Лепетали хвалебную чушь...
Но пути в искусство заказаны
Из посёлка Потерянных Душ.
А души проглощены заживо

Чревом больших городов.
Что тут теперь улаживать?
Не отыскать следов.
Как в мир городов перебраться
Из мира копья и костров?
Торжествует цивилизация
При столкновеньи миров.

...А ведь есть во вселенной где-то,
До поры запрятана в глушь,
Неоткрытая нами планета,
Планета Потерянных Душ.

Напомним, что стихи эти создавались в начале 1960-х, когда о трагедии аборигенов ещё не заговорили. Единственным союзником Галины Усовой была австралийская поэтесса Мэри Гилмор (1865–1962).

Мэри Гилмор Погибшие племена

Нет, никогда не придут из ночи забвенья
И о себе никогда не расскажут нам
Те племена. Нет им от сна пробужденья,
Больше им не ходить по звериным следам.

Нет, никогда их клич не послышится в чаще,
Голос далёких охотников не позовёт:
Смолкли навеки леса, и след походки скользящей
В сумерки к тихому лагерю не приведёт.

Пламя и копья упали; охотник не встанет.
Детские кости в диком бурьянне лежат,

Мэри Гилмор. 1916 г.

*Место, где хижины были, позаастало кустами,
И булеранги бесшумные в воздухе не кружат.*

*Псами затравлены вольных зарослей жители,
Их поглотила болот гнилая вода.
Сгорели их души в кострах белого победителя;
Чёрную кровь с наших рук не отмыть никогда.*

*Где вы, те племена?
Только тени людей
Бродят теперь по земле своей,—
Где вы, те племена?*

Темаaborигенов в творчестве Галины Усовой была не случайной. Тон был задан ещё в её первом, процитированном выше стихотворении «Моё открытие Австралии», начинающееся со слов: «Да, Лаверье открыл планету...» Это ведь извечная боль русского интеллигента за маленького человека, за униженных и оскорблённых.

...

III. Звёзды в море (философская лирика)

Третий раздел книги Галины Усовой, «Звёзды в море», обращался к роли поэта в современном мире. Открывали его стихи Родерика Куинна (1867–1949).

Родерик Куинн
Звёзды в море

*Я лодку в звёздную ночь отвязал,
Взял весла и в море пустился.
Нос моей лодки в волнах плясал,
На лунной дорожке резвился.*

*Врезаясь вёслами в синюю гладь,
Вдыхая прохладный воздух,
Решил о любви своей рассказать:
Пусть слышат яркие звёзды.*

*И лодка плыла — легка, весела
(В душе не осталось тины).
Смотрю — на пути у меня скала
И мальчик с удочкой длинной.*

*Я крикнул: «Привет!», он ответил: «Привет!»,
И я спросил рыболова:
«Ведь рыбы здесь и в помине нет,
Какого ты ждёшь улова?»*

*А он мне ответил: «Леса моя
Цепляется всё за камни,
Звёзды пытаюсь выудить я,
Но их не достать со дна мне!»*

*Никто не смеялся. Плеснула волна,
С другими резвясь волнами.
...Так много нас звезды удит со дна —
Смеяться нельзя над нами!*

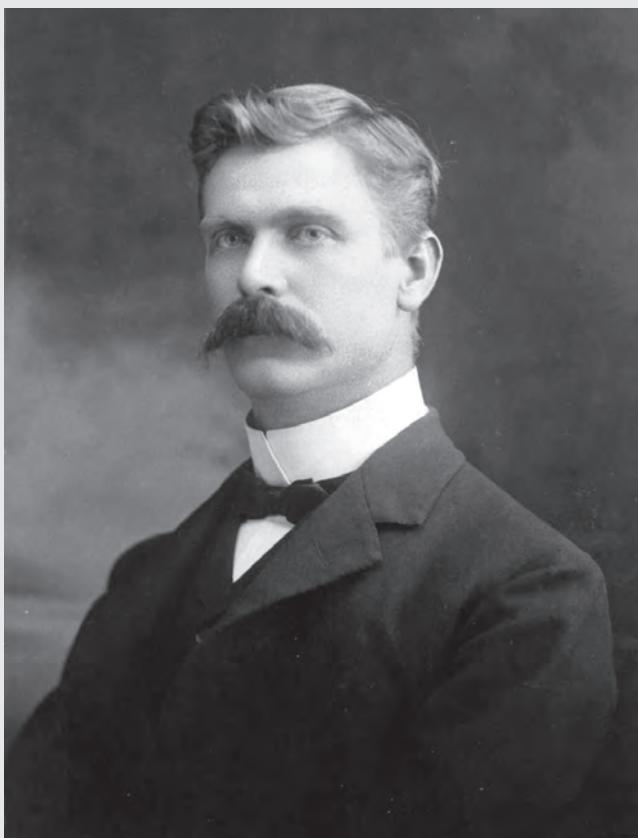
Они перемежались со стихами самой Галины Усовой:

*Поэты ходят в одиночку,
Чтоб под защитой тишины
Услышать, как вскрывает почку
Удар невидимой весны.*

*И, как в глазах канатоходца,
Мир зыбок и неуловим,
И он вот-вот перевернётся,—
И ты перевернёшься с ним.*

*И одиночество — расплата
За узкий луч своей тропы.
Поэты ходят по канату,
А он не выдержит толпы.*

Именно таким поэтом предстал перед ней Роджер Мак-Найт (р. 1925), австралийский поэт-фермер. «Меня свёл с ним Даниил Гранин, который познакомился с ним во время поездки в Австралию,— писала Галина

Родерик Куинн

Усова.— До этого я не знала его стихов, и немудрено: в Австралии он почти не печатается. Об этом Гранин пишет в своей книге „Месяц вверх ногами“: „Он был поэтом. Хорошим поэтом. И не спешил печататься. Ему важно было написать и прочесть друзьям. Плевал он на публикации. Он не желал тратить время, ездить в город иходить по редакциям. Ему интересней было стоять в поле и слушать, как растёт трава. Жена застала его, когда он разговаривал с травой. Он читал стихи траве“.

Роджер Мак-Найт У прибрежных скал

*Спустился я к нагроможденьям скал,
Чтоб словом тронуть их,— а сам шагал
По костякам несчётным жизни той,
Которую сожгли соль и прибой.*

*Жизнь эту грань меж суши и воды
Оставила для вечной их вражды.
Бунт или косность? Я один живой
Иду вдоль полосы береговой.*

*Спустился я к нагроможденьям скал,
И я у них сочувствия искал.
Их мрачный облик холоден и нем
И, как людей, не тронешь их ничем.*

Галина Усова в своей рукописи, которую она надеялась опубликовать в Советском Союзе, не могла, конечно, высказывать своего мнения о наличии или отсутствии творческой свободы для писателей в Советском Союзе. Однако тема эта, несомненно, волновала и её. В одном из писем она писала мне: «Откровенность за откровенность, Лена. У моих детей нет отца. Он уехал навсегда — совсем, за пределы нашей страны. Он был тоже поэтом. Мы много с ним работали вместе. Кстати, идея написать книгу, которую я вам прислала, принадлежит ему. [...] Он был очень талантлив. Но талант, Лена, это тяжёлый крест, который человек осуждён тащить на себе всю жизнь, и надо очень много сил, чтобы его снести». Только несколько лет спустя, когда мы с Галиной Сергеевной наконец-то встретились, я узнала, что поэтом, о котором она писала, был Василий Бетаки (1930–2013), с которым она встретилась на семинарах английской поэзии Татьяны Гнедич. В 1973 году он эмигрировал во Францию и работал там на радио «Свобода» и в журнале «Континент». Не удивительно, что это, как писала мне Усова, «ударило больно» её семью. Василий Бетаки в своих воспоминаниях писал об этом так: «Что-то мы переводили с ней вместе, а в 1961 году поженились... В 62-м родилась одна дочь, в 65-м вторая. Разошлись в 1972 г. Перед моей эмиграцией. Как объяснила Галя, не хочет она уезжать: рабам, по её словам, похлебка, хоть жидккая, но обеспечена, а на Западе — кто его знает... На самом деле, дело, конечно же, не в похлебке, а в интуитивном ощущении, что дома она может работать, а на Западе делать ей решительно нечего»⁵. Из письма Галины Усовой я знала, что дело было отнюдь не в рабской похлебке, но в её ответственности за немолодых родителей, которых она не могла оставить. Перед таким жестоким выбором ставили поэта те времена.

Не удивительно, что в таких условиях уход в поэзию, в творчество, был единственным способом «живь не по лжи», доступным для её поколения, остававшимся в Советском Союзе. Не имея возможности активно бороться с системой, именно в литературе они оставляли знаки своей внутренней свободы. В этом плане характерен эпизод из поездки Даниила Гранина в Австралию в 1965 году. Время было на излёте хрущёвской оттепели, и австралийские журналисты, приглашённые на встречу с писателем в советском посольстве в Канберре, с ножом к горлу подступили к нему с вопросами о свободе писателей в Советском Союзе. Гранин через сопровождавшую его переводчицу Оксану Кругерскую, пользовавшуюся большим доверием властей,

⁵ В. Бетаки. Снова Казанова. Мюнхен, 2011, с. 186–187

Встреча во время приезда Василия Бетаки в Петербург в 1995 г. Слева – Галина Усова, справа – их дочь Татьяна

дипломатически ответил: «У меня нет фактов, которые поддерживали бы предположение о том, что у писателей в Советском Союзе меньше свободы, чем у писателей в другой стране». Однако, отвечая на другой вопрос, он добавил, что его любимые писатели — Кафка, Джон Апдайк и Сэлинджер, намекая умеющим слышать о своих личных симпатиях, в том числе по отношению к власти⁶.

IV. Свобода в скитаниях (гражданская поэзия)

Такого же плана пласти скрытых симпатий можно найти в четвёртой части рукописи Галины Усовой «Свобода в скитаниях». Название этому разделу дало программное стихотворение Генри Лоусона, которое в оригинале называется "Freedom on the wallaby".

Генри Лоусон Свобода в скитаниях

Австралия — мой край родной,
Свобода здесь кочует,
Мешок таскает за спиной
И у костров ночует.
И бумеранг уже летит
В тиранов отупелых,
И новый котелок кипит,
И пламя вверх взлетело.

Отцы свой горький хлеб ржаной
Трудами добывали,
Но в Англии, стране родной,

Им в этом отказали.
И с Англией они тогда
Простились поневоле
И через океан сюда
Приплыли к новой доле.

Почётные регалии
Забросила Свобода,
И вот она в Австралии
Живёт среди народа,
Но руки через море к ней,
Протягивают снова,
Чтоб на неё в стране моей
Опять надеть оковы.

Отцы прошли дорогами
В степях, ветрам открытых,
И лорды их не трогали
В пустынях неожиданных.
Теперь мы сделаем наш край
Прекрасной райской кущей,
И Жадность лазет в этот рай
Рукою загребущей.

Пускай закроет небеса
Знамён бунтарских море.
Сольются наши голоса
В одном бунтарском хоре.
Покажет лордам наш народ,
Как он умеет драться.
Не мы виной, что кровь господ
Зальёт кусты акаций!

Это стихотворение написано Генри Лоусоном в 1891 году, во время стачки стригалей овец. Но

⁶Canberra Times, 19.02.1965; Tribune, 19.02.1965

Оксана Кругерская и Даниил Гранин в Австралии, 1965. Снимок из австралийской газеты. "Optional"

бунтарские настроения привезли в Австралию ещё первые ссыльные и бушрейндджеры. Например, в припеве к любимой песне тех времён «Сорванец» (Wild Colonial Boy) звучат мотивы свободы и товарищества, которые впоследствии стали отличительными чертами молодой австралийской нации:

Вперёд, сердца отважных! Мы выси гор пройдём;
Бродяжничаем вместе — и вместе мы умрём.
Уйдём по горным склонам, поселимся в лесах,—
Но никогда, но никогда не будем жить в цепях.

В годы Первой мировой войны в австралийской поэзии идеи товарищества стали краеугольным камнем австралийской легенды, однако в поэзии всё чаще героические голоса сменяются трагическими, а затем и антивоенными. В переводах Галины Усовой мы можем найти весь этот спектр. Среди них стихотворение «Лагерь на Западе», исполненное сложного символизма, и написанное Родериком Куинни ещё задолго до Первой мировой войны.

Родерик Куинн (1867–1949) Лагерь на Западе

«Видел ли ты, как мимо прошёл
Усталый-усталый отряд?
И мёртвых поцелуев слады
На мёртвых губах солдат?»

«Да, видел я, как мимо шёл
Усталый-усталый отряд.
Куда вы, куда вы? — я спросил.
«На Запад!» — говорят.

«Их лица бледны, смертельно бледны,
И призраки в глазах?
И над глиной дорог от их сапог
Вздымался белый прах?»

«Да, лица бледны, смертельно бледны,
И пыль от сапог бела.
И пыль от сапог на глину дорог
Под тяжестью горя легла».

«И никто не вздохнул, что трудно идти,
Никто не хотел отдохнуть?»
«Нет, говорили, что ночь коротка,
Что долг на Запад путь...»

«Наверно, по терниям шли они,
Осталась кровь на следах?
И к ним, наверно, слетел с высоты
Ангел скорби на чёрных крылах?»

«Да, были, как смерть, молчаливы они:
Невидимых слёз поток
Сквозь раны открытые внутрь проник
И солью сердца прожёг».

«Но эти скитальцы — кто они?»
«Усталые сердца.
Их лагерь там, где гаснет закат,
И путь их без конца».

«Урони слезу...»
«Нет, не надо слез;
Покоя ищет отряд.
Быть может, звёзды когда-нибудь
Их лагерь и озарят».

Есть среди её переводов и более социально заострённые антивоенные стихи.

Лоренс Коллинсон (1925–1986)

Определение

Что такое война, милорд?
Империя.
Что такое война, генерал?
Мужество.
Что такое война, учитель?
Неизбежное.
Что такое война, пастор?
Несчастье.
Что такое война, парень?
Бегство.
Что такое война, фабрикант?
Прибыль.
Сестра, что такое война?
Телеграмма.
Брат, что такое война?
Моя импотенция.
Отец, что такое война?
Мои дрожащие руки.
Мать, что такое война?
Три безвестных могилы.

Несомненно, что для Галины Усовой, пережившей войну, блокаду Ленинграда, эвакуацию, война в любых её проявлениях была ненавистна и перевод таких стихов не был социальным заказом.

В широком плане вся австралийская литература удивительным образом попала в струю исканий советского общества того времени. В конце 1950-х годов, когда Советский Союз начал сбрасывать оковы сталинизма и изоляционизма, советские переводчики искали и открывали новые территории, и в круг чтения советских людей стали входить Хемингуэй, Фолкнер, Сэлинджер, но тогда же обнаружили и австралийскую литературу. Это была в некотором смысле экзотика и не соцреализм, от которого в культурных кругах Советского Союза хотели несколько дистанцироваться, но в то же время она органично легла на идеалы наших шестидесятников — своим бунтарским характером, свободолюбием, демократизмом, антивоенными настроениями. Так, ещё в конце 50-х вышло сразу два сборника австралийских рассказов — «Австралийские рассказы» и «Сорок австралийских новелл»; один из них был в библиотеке моего отца в Минске, и с чтения его началось мое увлечение Австралией. Тогда же были опубликованы переводы романов Катерины Сусанны Пritchard и детская книга «Я умею прыгать через лужи» Алана Маршалла. Эта книга, изданная многотысячным тиражом, стала нашим первым учителем, говорившим о том, как относиться к инвалидам, а, вернее, к людям с особыми нуждами.

И затем, в 1967 году, состоялось издание сборника «Поэзия Австралии», в котором был прекрасный баланс между востребованной широким кругом читателей демократическо-героическо-романтической поэзией, с одной стороны, и глубокой философской лирикой, с другой. Готовил его поэт и переводчик Андрей Сергеев, он собрал вокруг себя целую плеяду переводчиков, которые по духу были шестидесятниками с разной степенью диссидентской составляющей. Например, там есть переводы Иосифа Бродского, Аркадия Штейнберга, Эдуарда Гольдернесса, и, конечно, самой Галины Усовой.

Шли годы. Рукопись «Где вьёт гнездо пеликан» Галине Усовой так и не удавалось опубликовать, но она не переставала творить. В 1970-х её захватил Байрон, в творчестве которого для неё самым главным была «Любовь к свободе и ненависть к тиранам»⁷. Переводила она также Фолкнера, Киплинга и многих других авторов, время от времени что-либо печатая. Однако она никогда не забывала и о своей первой любви — австралийской поэзии. В 1981 году — на пике советского безвременья — я после долгого молчания написала ей о своей взрослой жизни: «За все эти годы, наверно, не было дня, когда бы я не вспоминала Ваши стихи и Вас, многие из них я знаю наизусть, особенно из части книги „Когда мир был широк“ и часто себе их рассказываю. [...] Теперь я начинаю понимать, как много значила для меня Ваша книга, она дала мне веру на столько лет в то, что Австралия моей мечты была, есть и будет, несмотря на то, что для непосвящённого она может показаться обычной страной с экономикой, политикой и экзотической природой, на которую интересно посмотреть из окна туристского автобуса. [...] А так всегда со мной безбрежный океан и Австралия, и мир, который „снова станет широк“. Ведь станет?» Галина Сергеевна отозвалась тёплым письмом: «Я, признаюсь, начала думать, давно не получая от Вас вестей, что Вы уже „излечились“ от своей детской любви к Австралии и ведёте нормальный образ жизни, как вы сами это формулируете: „попроще удрать с работы и пойти в магазины“. Вдвойне была рада Вашему письму, когда убедилась, что это вовсе не так. [...] Письмо Ваше доставило мне острую радость ещё и потому, что оно пришло после очередной весьма чёрной полосы моей жизни. [...] В декабре я получила совершенно уничтожительную рецензию на рукопись моих стихов из издательства „Советский писатель“. Особенно тяжело мне было пережить эту рецензию из-за того обстоятельства, что писал её человек, которого я много лет считала своим другом. И тут — Ваше письмо, содержащее несколько иную оценку моего творчества!»

⁷ «Человек творит себя ежедневно» / Беседа с Г. Усовой // Журнал Санкт-Петербургского университета. — 2012. — № 9. — с. 8.

Галина Усова

Я делилась с ней своими «катакомбными» австралийскими радостями — побывала на выставке австралийского искусства в Москве; встретилась с моей австралийской подругой по переписке; посадила семена эвкалипта в моей минской квартире, где вырос кусочек Австралии! А она писала о своих — встретилась с внуком Миклухо-Маклая, Робом Маклаем, приехавшим в Ленинград, выступала с ним в школе, в которой когда-то учился Миклухо-Маклай. В одно из таких школьных выступлений она вплела и историю о моём эвкалипте на подоконнике. Но главным в нашей переписке оставалась поэзия Австралии. Об этом она писала с горькой иронией, стараясь не быть сентиментальной: «У меня есть один приятель, который мрачно шутит: „Ты всю жизнь открываешь Австралию, и всё никак её не откроешь!“ Неправда. Выходит, что открыла, если вдохновила Вас на такие письма. Шопенгауэр говорил, что найти хотя бы одного читателя — это уже великое дело. Значит, всё было не зря, если я нашла Вас — или это Вы нашли меня?»

В 1983 году я вышла замуж за Владимира Рафаиловича Кабо, и мы вместе побывали у Галины Сергеевны в гостях в Ленинграде. Это была символическая встреча двух героев той давней книги Даниила Гранина. В перестройку начали сбываться самые несбыточные мечты. В 1989 году Галина Усова писала мне о готовящемся к печати сборнике её переводов австралийских песен

«Берег Юмереллы», прибавляя: «Обязательно подарю!» В том же письме она желала нам с мужем «непременно в этом году поездки в Австралию!» С её лёгкой руки наша поездка, превратившаяся в отъезд, состоялась в 1990 г., и мы надолго расстались. С радостью я узнала, что после «Берега Юмереллы» в 2001 году ей удалось издать при поддержке посольства Австралии свой самый главный сборник «Свобода в скитаниях: Стихи поэтов Австралии» с параллельными текстами на русском и английском языках и детальными рассказами о поэтах. На присланной мне книге она сделала трогательное посвящение «Леночке Говор, которая давно любит эти стихи, не говоря о самой Австралии, которую люблю и я».

Галина Усова сумела обратить реальности новой России в свою пользу — она нашла способ не только издавать свои книги, но и одновременно делать их доступными и читаемыми обычными людьми, ведь продавала она их у метро намного дешевле «магазинной» цены, практически за себестоимость. В этой «бизнес модели», раскрученной пожилым, непрактичным интеллигентом, главной прибылью служило просвещение читателя. К счастью, благодаря поддержке петербуржцев, модель заработала, и, как бонус, позволила сохранить от забвения всё самое лучшее из её работ.

За эти годы Галина Усова опубликовала ещё три сборника австралийской поэзии в издательстве ДЕАН:

Галина Усова продаёт свои книги у метро «Политехническая» в Петербурге

«Свэгмен: Стихотворения Генри Лоусона (Австралия)» (2004);

«Где вьёт гнездо пеликан: поэзия Австралии XIX и XX веков. Сорок шесть австралийских поэтов в переводах Галины Усовой» (2015) и

«Генри Лоусон. Моя страна и я. Книга стихотворений в переводах Галины Усовой» (2015). Но очевидно, что за это время Галина Усова уже и не пыталась опубликовать ту первую книгу «Где вьёт гнездо пеликан (Моё открытие Австралии)», рукопись которой она когда-то прислала мне в Минск и которая приехала со мной в Австралию. Я её понимаю — ведь та рукопись принадлежит 1960-м годам; она была написана именно для нас, живших в то время за железным занавесом, и мы, тогдашние, её так и не получили (я стала счастливым исключением и чуть ли не единственным её читателем). И хотя переводы из неё ныне разошлись по другим сборникам, остались неопубликованными замечательные стихи об Австралии самой Галины Усовой из этой книги. В этой публикации «АМ» представлены лишь некоторые из них.

Что ж, несбывшиеся мечты — это тоже реальность, невидимая лишь до поры до времени... А мы закончим наше знакомство с Австралией Галины Усовой её стихотворением, впервые опубликованным в сборнике «Я из прошлого века: стихи разных лет (1962–2012)»:⁸

Это было давно, это было в семнадцатом веке.

Из уютной Голландии утлыя шли корабли.

Наизусть изучили Европы заливы и реки,

Все мечтали изведать диковинки Южной Земли.

Не препятствие дерзостным Бурные Сороковые,
Путь ревущая пена оближет всю палубу всласть.
Что в загадочных землях — увидят они непременно,
И скрипит на ветру корабельная гибкая снасть.

И наградой пришли незнакомой земли очертанья,
И цветной попугаев полёт, птичий гам поутру,
И далёких лазоревых гор нераскрытая тайна,
И в туманной дали — живописной толпой кенгуру.

Ну, а мне-то зачем эту древнюю видеть картину?
Двадцать первого века в душе проступают следы.
Равнодушное время нельзя повернуть или сдвинуть,
И от старого мира теперь не отринуть беды.

Это было давно, это было в семнадцатом веке,
Мир был молод и свеж, и манила простором вода...
Всё сижу и сижу я над книгами в библиотеке,
А иначе — куда мне сегодня деваться, куда?

Действительно — зачем дорога, если она не ведёт к храму? ■

⁸СПб: ДЕАН, 2013, с. 25–26.